

Проблемы «фонового знания» в социальных технологиях

(тезисы доклада)

Институт философии. Семинар «Проблемы рациональной философии», февраль 2012 года

Ключевые понятия: информационное общество, «общество знания», «фоновое знание», социальные технологии, «новый государственный менеджмент», «электронное правительство».

Аннотация. В докладе проводится мысль о существенном возрастании роли «фонового знания» при разработке и применении социальных технологий в «обществе знания». Предлагаются подходы к анализу структуры и функций «фонового знания», позволяющие преодолевать ограниченность технократической трактовки социальных технологий.

1. **«Фоновое знание» в контексте становления «общества знания».** Термин «фоновое знание» сравнительно мало используют в философии и социологии в отличие, например, от лингвистики. Исключением является подход, который связан с именем известного американского исследователя Гарольда Гарфинкеля, предложившего собственный оригинальный способ описания социального мира в его повседневном существовании – *этнометодологию*, где понятие «фонового ожидания» (фонового знания) приобретает концептуальное значение.

Гарфинкель стремился найти главные детерминанты социального порядка во внутренней структуре локального взаимодействия и спонтанной активности индивидов с их особой *практической рациональностью* в контексте непосредственных коммуникаций. Т.е., «фоновые ожидания», фоновые знания вообще, рассматриваются как фундаментальные (во многом скрытые от «наблюдателей» и самих участников интеракций) структуры, внутренние детерминанты которых по существу и формируют социальную реальность.

Но даже если и не учитывать разработки этнометодологии, то трудно не заметить широкое экстралингвистическое содержание термина «фоновое знание», которое вполне сопоставимо с содержанием философских понятий. Не случайно «фоновое знание» в различных исследованиях соседствует с такими категориями, как «картина мира», «рационализация» «идеализация», «коммуникация», «язык», «жизненный мир» и т.п.

Полнота содержания любого понятия раскрывается в максимально широком контексте его использования, а этот контекст фиксирует, прежде всего, сконструированная человеком языковая (вербальная и невербальная) среда, как наиболее естественная и общедоступная репрезентация мира. И если согласиться с тем, что именно знания превращаются в главный ресурс развития постиндустриального общества, то интерес к философско-социологическим исследованиям проблем «фоновых знаний» должен только возрастать. Знания превращаются в фактор, который по новому структурирует все сферы социальной жизни. В «коммуникационном срезе» новизна выражается в возрастании возможностей всех социальных субъектов генерировать знания, направленные на изменение (конструирование) социальной реальности в соответствии с внутренними потребностями индивидов и социальных групп.

По новому должна «прочитываться» и роль самих фоновых знаний, которые всегда играли значительную роль в процессах коммуникации, но сегодня становятся одним из решающих факторов успеха (или неуспеха) создаваемых социальных проектов, программ, технологий и т.п. Даже самые ценные социальные идеи и технологии могут получить неадекватное воплощение, если они помещаются в контекст существенно иного фонового знания без необходимых коррекций. Подобная неадекватность была, видимо, гораздо менее опасной на индустриальной стадии, когда удельный вес творческого труда (например, управленческого в производственном цикле) составлял менее значительную долю. Такой творческий труд с помощью ряда социальных технологий (наподобие «научного менеджмента» Ф. Тейлора)

достаточно жестко мог быть отделен от менее творческого, «подавляя» тем самым фоновые искажения за счет четкого разделения функций и отбора персонала.

В обществе знания темпы продвижения вперед определяется креативностью уже не столько отдельных индивидов и элитарных слоев, сколько возможностью творческого участия широких социальных групп. В условиях расширения социального состава, вовлекаемого в реализацию различных социальных технологий, фоновое знание усиливает свое влияние, проявляясь в конечном счете как степень конкурентоспособности отдельных организаций и национальных государств в глобализирующемся мировом пространстве.

2. ***Социальные технологии*** (СТ) можно рассматривать как «формы и способы целенаправленной активности по формированию и управлению социальными процессами, группами и отдельными индивидами, которые соответствуют некоторым стандартам (операциональности, эффективности, системности, планирования, прогнозирования) в сфере профессионального труда и результат которого может быть предметом социальной оценки» (определение предложено И.Т. Касавиным).

Вероятно, такое рабочее определение будет уточняться, однако оно обладает необходимой степенью универсальности и, самое главное, как представляется, фокусирует внимание на роли всех социальных субъектов, которые становятся участниками (соучастниками) процессов конструирования новой социальной реальности. Кроме того, приведенное определение нацеливает на использование интеллектуальных (категориальных) ресурсов социально-гуманитарных наук в конкретных контекстах их применения, отвечая актуальной потребности общества в выработке «практически-понятных» научных схем и рекомендаций. К подобным ресурсам правомерно отнести и понятие «фоновое знание», экспликация которого выводит на конкретные практические предпосылки и

условия применения социальных технологий, определяющие СТ-результативность.

Приведенное определение СТ кажется чрезмерно широким в том смысле, что под него подводится практически любая современная реформа (программа, проект) во всех сферах социальной жизни. Однако современные реформы, программы, проекты и являются социальными технологиями ровно в той мере, в какой они соответствуют указанным стандартам и могут становиться предметом социальных оценок, фиксируемых, в том числе международными и национальными количественными значениями индексов, согласованных экспертными группами.

3. *Некоторые примеры влияния фонового знания.*

Конкретизировать тему можно на примере двух известных социальных технологий, которые нашли применение в России и которые часто обозначают терминами:

- а) *electronic-government* (*e-government*) - электронное правительство;
- б) *new public management* - новый государственный менеджмент.

3.1. *Электронное правительство*¹. Применение понятия «фоновое знание» даже в его сравнительно узком лексическом значении сразу же наталкивает на существенные сдвиги в понимании целей и задач данной социальной технологии. В частности, буквальный перевод термина *electronic government* перемещает всю проблематику преимущественно в техническую сферу, сводя «социальный смысл» лишь к использованию правительственными структурами современных инновационных средств, в том числе и для упрощения способов и форм контактов с гражданами

¹ Правомерно вести речь сразу о целом блоке близких социальных технологий, которые в обобщенном виде получили название «информационное общество» и которые обозначены в двух базовых российских документах. Это – (1) «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» (Распоряжение Президента РФ от 07 февраля 2008 года № Пр-212) и (2) «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 годы)»» (Распоряжение Правительства РФ от 20 октября 2010 г. № 1815-р).

(электронные обращения, переписка, службы «одного окна» и т.п.). Т.е., прямой перевод привычно отсылает к «заботе государства о гражданах», но не содержит никаких принципиальных притязаний на изменение «формата власти» в российском обществе.

В английском же языке *government* имеет иной фон. *Government* - это не только собственно правительство (есть еще и другие ветви власти), но вообще - *управление* и *формы правления*. Т.е., фактически в английском языке термин *electronic government* кодирует название новой формы социального управления, которая адекватна постиндустриальной стадии развития общества и построена на существенно иных принципах взаимоотношений власти и общества.

Можно было бы не обращать внимания на такие «трудности перевода», если бы за ними не стояли «фоновые» концептуальные и практические проблемы внедрения электронного правительства в «тело» российской государственности, а также интерпретация соответствующих показателей, зафиксированных в базовых российских документах, прописывающих этапы перехода страны к «информационному обществу».

ООН для сравнительного анализа использует рассчитываемый ежегодно *Индекс готовности стран к электронному правительству*. Россия в последние десять лет устойчиво занимает места в диапазоне шестого десятка стран. И это при взгляде на ситуацию в целом. *Подындекс «электронного участия»* в 2009 году – это 86-е место России из 157 стран. Данный подындекс измеряет взаимодействие населения с органами государственной власти через информационно-коммуникационные технологии.

Причин такой «динамики», конечно, много. Но, может быть, исходная «эпистемологическая причина» заключается в привычной (для индустриального общества) центрированности всего фонового знания на технократической трактовке социальных технологий. Т.е., успешные (где-то!) технологии в российском фоновом знании воспринимаются субъектами

управления и населением в привычном диапазоне чисто технических показателей. Другие показатели международных рейтингов («административные барьеры», «независимость судебной системы», «свобода прессы» и т.п.) либо «пропускаются» в фоновом знании, либо также воспринимаются в технократическом духе, что не может не проявляться парадоксальным образом и в самих базовых документах.

Например, если посмотреть на целевые показатели и индикаторы готовности России к электронному правительству (как, впрочем, и на другие индикаторы из государственной программы «Информационное общество»), то заметны вещи, которые, похоже, вообще не поддаются рациональному объяснению. В частности, на рубежах 2014 и 2015 годов запланирован резкий скачок России на высокие места в международных рейтингах (с низких мест в диапазоне пятого-шестого десятка стран – к местам в первом-втором-третьем десятке). В то же время Программа даже не предполагает сколь-нибудь резкого увеличения соответствующего финансирования по годам, что само по себе, конечно, еще не гарантировало бы «дальности прыжков», но хотя бы технически увеличивало шансы постепенного возрастания такой возможности.

Подобный разрыв нельзя свести просто к желанию составителей Программы хоть как-то подогнать показатели к эффективным, но не проработанным, обещаниям «высшего руководства». (Впрочем, и в этом контексте также есть требующие своего анализа «фоновые проблемы» коммуникаций разных «групп принятия решений».) Подобный разрыв – показатель более глубоких деформаций фонового знания: привычные, автоматически действующие технократические парадигмы индустриального общества доминируют в «пространстве российских знаний», смещая социально-гуманитарный сектор на периферию или отводя ему декоративные роли (в функциональном, институциональном, ритуальном и др. смыслах).

3.2. **Новый государственный менеджмент (НГМ)².** В России попытки использования идей НГМ начались в 1990-х годах и носили фрагментарный характер. В начале 2000-х годов отдельные идеи НГМ начинают закрепляться в нормативных актах. Можно считать, что принятая в 2005 году *Концепция административной реформы*, окончательно превращает новый государственный менеджмент в неофициальную идеологию реорганизации национальной системы государственного управления.

Однако с самых первых шагов при включении идей НГМ в фоновое знание возникают контрпродуктивные напряжения, во многом сводящие к минимуму эффективность данной социальной технологии. Резко усиливается несовместимость традиционных (*этика, поведение, культура государственных служащих*) и новых вводимых ценностей государственной службы (*экономичность, эффективность, результативность*), что стало заметным и для внешних наблюдателей³. Например, такие провозглашаемые критерии, как прозрачность, равные возможности при приеме на госслужбу, открытость соответствующей информации и т.п., противоречат рационально-технократическим критериям – эффективности, продуктивности, оперативному принятию решений. Этим же критериям противоречат и такие принципы «демократического блока», как необходимость процедуры согласования с гражданами тех или иных проектов и решений. Эти

² Концепция нового государственного менеджмента (НГМ) достаточно успешно начала внедряться в практику государственного управления западных стран (сначала в Великобритании при М.Тэтчер) и представляет собой ответ на глубинные социальные сдвиги в современном постиндустриальном мире: усиление глобальных тенденций, особенно в экономике, формирование наднациональных институтов, укрепление гражданского общества и др. НГМ существенно отличается от традиционно-бюрократической модели государственного управления, скроенной по лекалам теории рациональной бюрократии М.Вебера, и делает ставку на (а) рыночные механизмы управления государственным сектором, (2) ориентацию госаппарата на достижение целей, а не соблюдение инструкций, (3) сокращение госаппарата и введение элементов конкуренции в госсекторе, (4) приватизацию госсобственности и децентрализацию власти, (5) ориентацию на потребителя (гражданин – клиент государственных структур), (6) передачу ряда функций общественным и коммерческим структурам, а также местному самоуправлению, (7) внимании госструктур к способам зарабатывания денег, а не к привычным навыкам распределения бюджетных средств и т.п. Концепция НГМ подвергается критике за экономический подход, слабое внимание к этическим проблемам, в том числе и к вопросам этики государственных служащих, преувеличение значимости количественных оценок работы госаппарата и т.п. Однако концепция НГМ пока используется многими странами, включая Россию, модифицируясь под специфику условий.

³ Samier E. Toward a Public Administration: The Infinite Web of History, values, and Authority in Administrative Mentalities. // Halduskultuur, 2005, vol. 6. p. 82.

процедуры стоят дорого и отнимают много времени (как и вообще все демократические процедуры), особенно при традиционном иерархическом строении системы управления.

НГМ по своему естественному месту прописки (в развитых западных демократиях) был запущен в условиях действия более благоприятных принципов и навыков в структуре фонового знания: *лояльность граждан государству, уважение к правовым и административным решениям, готовность к сотрудничеству с органами власти и способность отстаивать собственные права с помощью соответствующих институтов*. Т.е., новый государственный менеджмент по умолчанию предполагает в менталитете всех субъектов управления и граждан страны очень развитый и детализированный фон понятий и навыков, выработанных еще на базе «веберовских» принципов устройства государственной власти.

В этом плане понятны мотивы критических оценок внедрения НГМ в переходных государствах. Некоторые авторы считают, что для государств переходного периода НГМ приносит больше вреда, чем пользы⁴, а наиболее приемлемым вариантом было бы использование *неовеберовской модели* с акцентом на устойчивых и упорядоченных («негибких») элементах государственных структур⁵. Похоже, что различия «фоновых знаний» в России и в странах «развитой бюрократии» слабо учитываются субъектами российского управления. Этот недостаток, соединенный с «инстинктом власти», приводит к своеобразному колебанию государственного управления на федеральном уровне: от стремления предоставить больше свободы субъектам федерации к ограничению этой свободы через укрепление «вертикали власти», а затем вновь к снятию ряда ограничений (например, возврат к выборам губернаторов).

Видимо следует ожидать еще более значительных колебаний в связи с введением в мировую практику того обновленного подхода к

⁴ Drechsler W. The Rise and Demise of the New public Management // Post-Autistic Economics Review, 2005, 14 September, vol. 33, p. 101.

⁵ Pollit C., Bouckart G. Public Management Reform. A Comparative Analysis (2nd edn). Oxford: Oxford University Press, 2004, p. 99.

государственному управлению, который обозначают термином «Governance» («Good Governance»). «Хорошее управление» в сравнении с НГМ резко усиливает акценты на *совместной работе граждан и власти* (Participatory), на *консенсусе* (Consensus Oriented) и *подотчетности власти гражданам* (Accountability), что в обобщенном виде в документах ООН обозначается как Democratic Governance⁶. В ситуации подобной перезагрузки понятийных значений фоновое знание таит в себе еще больше возможностей для неадекватного трансфера концептуальных смыслов. Мировые процессы глобализации неизбежно усиливают «миграцию смыслов», а, следовательно, и значимость фонового знания для корректного использования социальных технологий.

4. Структура фонового знания в контексте проблематики социальных технологий. Анализ методологического инструментария СТ под углом зрения классического состава знаний, безусловно, важен. Категории теоретического–эмпирического, теоретического–практического, чувственного–рационального и т.п., составляют философско-методологическую базу, позволяющую исследовать аспекты фонового знания как определенного среза знания вообще. Но такой подход еще не специфичен для проблемного поля СТ.

Проблематика социальных технологий настраивает на поиск подходов, увязывающих в органическое единство весь «жизненный путь» технологии - от постановки целей и формирования концепции до сложнейших проблем реализации СТ на каждом этапе в специфических социальных контекстах. При этом все время приходится иметь в виду определяющую роль «знаниевых» ресурсов, что, помимо прочего, ставит задачу взаимной «подгонки» фонового знания и СТ.

⁶ См., напр.: What is Governance? / UNESCAP. <http://www.unescap.org/huset/gg/governance.htm>
Sources for Democratic Governance Indicators / UNDP.
<http://www.undp.org/governance/docs/Policy-Pub-LDC> Report.pdf

Некоторые современные типологии знания (строящиеся больше «под менеджмент» в информационном обществе) задают общий вектор подобных поисков. Например, в середине 90-х годов П. Друкер предложил классифицировать знания по способу их реализации: *научное знание - явное знание - *techné** (умения и навыки). Примерно в то же время два японских исследователя (И. Нонака и Х. Такеучи) предложили классификацию: *явное знание* (кодифицированное на носителях информации) и *неявное знание* (неформализованное). Чуть позже Э. Брукинг разделил знание на (1) *знание о цели*, (2) *систематические знания*, (3) *практические знания*, (4) *автоматические знания*. Организация Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР) сгруппировала знания по таким содержательным вопросам, как (1) *Know what*, (2) *Know why*, (3) *Know how*, (4) *Know who*.

Отталкиваясь от подобных классификаций, можно было бы предпринять попытки более специфического структурирования фонового знания применительно к СТ. Некоторые варианты таких классификаций предлагаются ниже.

А. По сфере (географии) применения СТ фоновые знания правомерно разделить на:

- *универсальные (общепринятые) знания;*
- *страноведческие знания;*
- *локальные знания.*

Трансфер социальных технологий предполагает концентрацию внимания на неизбежном изменении смыслов ключевых понятий СТ на каждом уровне. Попросту говоря, успех применения СТ в одной стране совершенно не гарантирует успеха в другой. Важно выяснять (по возможности – превентивно), где самые опасные точки разрывов и как можно обеспечить непрерывность перехода смыслов от уровня к уровню.

В частности, «новый государственный менеджмент» как социальная технология «спотыкается», прежде всего, на бездорожье российского страноведческого фонового знания. Например, «продвинутая» сама по себе

(на уровне универсальных аргументов) контрактная и конкурсная система найма государственных служащих неизбежно превращается в *формальность* или в *способ избавления от «нежелательных» фигур* в иерархии власти традиционного типа. Новый государственный менеджмент «по умолчанию» был выработан для хорошо отлаженных «веберовских» конструкций государственного устройства. НГМ, вводя большую гибкость и самостоятельность субъектов управления, «по умолчанию» опирается на привычки всех «субъектов исполнения» к высокой личной ответственности за реализацию программ, к активности в поиске решений возникающих проблем, к умению выстраивать соответствующие коммуникации и т.п.

Б. По степени рациональной проработанности СТ в фоновом знании правомерно выделить:

- *философско-методологические знания;*
- *специально-научные знания;*
- *обыденные знания.*

В этом плане наиболее «тяжелый» вопрос – это состыковка рационально-прозрачных концепций с неотрефлексированными контекстами обыденного знания, в которых социальные технологии как раз и должны показывать свою окончательную результативность. В этом смысле фоновые знания на обыденном уровне превращается в главное условие (или критерий) успеха или неуспеха конкретных СТ.

Распространенный тезис о «плохом российском чиновничестве» (эмоциональный вариант - «тупость и коррумпированность всей системы»), рассмотренный как препятствие для внедрения НГМ и реформирования госслужбы, одновременно свидетельствует и о недоработках «высокоинтеллектуальных» субъектов управления, включая разные группы экспертов, и о неумении последних «подогнать» друг к другу СТ и фоновое знание. В целом слабые результаты почти двух десятилетий реформ государственного управления объясняются, помимо прочего, и неумением

учитывать несовпадающие фоновые знания у социальных и профессиональных групп, разговаривающих фактически на разных языках.

Подобная «разноязычность» гораздо легче преодолевалась в индустриальном обществе, - с помощью экономического, административного и репрессивного принуждения, что все хуже и хуже срабатывает в информационном обществе. Однако «фоновые ожидания» принуждения могут сохранять свое решающее значение, в первую очередь, как фактор, «гасящий» необходимую активность при внедрении новых технологий. Например, если социальная технология под названием «демократия» несколькими росчерками пера вдруг вводится в стране, где фоновые знания громадной части населения формировались в тюремных зонах или на ближайших к ним административно-командных территориях, то с неизбежностью в реальном пространстве непосредственных коммуникаций будет воспроизводиться структура соответствующих отношений, а не «высокие стандарты народовластия».

В. По субъекту управления социальными технологиями фоновое знание можно разделить на:

- *знания разработчиков;*
- *знания управленцев, принимающих решения;*
- *знание исполнителей и со-участников.*

Одна из существенных проблем заключается здесь не только в том, что субъекты второго и третьего уровней могут не «дотянуться» до глубины концептуальных замыслов разработчиков. Дело еще и в том, что определяющими «фоновыми знаниями» управленцев-практиков, а тем более исполнителей, является совсем не теоретические концепции сами по себе, хотя какие-то теоретические постулаты они и могут держать «в уме». Сотни, если не тысячи, текущих ежедневных решений рядовых менеджеров предопределяются, как правило, симультанными образами конкретных практических управленческих действий, опирающимися преимущественно

на прошлый опыт, навыки и интуицию, что предполагает свои способы операционализации мыслительных конструкций. Не случайно в современном менеджменте, особенно среди менеджеров-практиков, так устойчиво мнение, что управление – это не столько наука, сколько *искусство действовать в постоянно меняющихся условиях, - искусство, которые в принципе не имеет рациональных алгоритмов.*

Т.е., сама «атомизированность» жизненных миров разных уровней управления выдвигает проблемы фонового знания при использовании СТ на первый план.

Г. По аксиологическим основаниям:

- *ценности терминальные* (ценности-цели, стратегические самооценности и т.п.);
- *ценности инструментальные* (ценности-средства, обеспечивающие реализацию ценностей более высокого уровня).

Противоречия этих групп ценностей больше всего бросается в глаза при попытках анализа действенности социальных технологий.

Яркий пример тому – оценка уже упомянутых базовых документов, касающихся продвижения страны по пути построения информационного общества. Указанные противоречия (правда, в иной терминологической форме) отмечают эксперты, входящие в *экспертно-консультативную группу Совета при Президенте РФ по развитию информационного общества.* Эксперты констатируют принципиальную невозможность достижения стратегических целей (представленных контрольными показателями по годам и на двух рубежах - 2015 год и 2020 год) в силу необеспеченности соответствующего инструментария. В качестве «инструментов» называются: кардинальное улучшение *делового климата*, развитие *конкуренции*, технология «*электронного правительства*», «*электронного образования*», «*электронного здравоохранения*», устранение *информационного неравенства регионов* и др. Важно отметить, что речь идет не о *материальных* (и

финансовых), а о *нематериальных ресурсах*, выражаемых преимущественно такими понятиями как *интеллектуальный капитал, человеческий капитал, социальный капитал, информация* и т.п. Это по преимуществу «знаниевые» ресурсы.

В реализации реформы гражданской службы на государственном уровне заметно несовпадение терминальных и инструментальных ценностей. Декларируются значимые терминальные ценности, но непроработанность инструментов реализации оставляет широкий простор для подбора кадров по схеме «свой-чужой». Компетенция кадров, а также кадровые оценки профессиональных сообществ часто совершенно не учитываются, причем на всех уровнях государственной власти.

Другой пример - европейская технология образования, базирующаяся на субъект-субъектной парадигме обучения, основу которой составляет развитие познавательной активности и самостоятельности ученика с детских лет. Эта активность (навыки, привычки, знание норм, правил и т.п.) и есть естественный фон болонских реформ. Внедряемая «сверху» реформа российского образования, попадает в контекст фонового влияния преимущественно прежней субъект-объектной парадигмы обучения, что приносит больше разрушений, чем пользы (среди прочего, под удар попала традиционно неплохая подготовка по фундаментальным наукам, включая социально-гуманитарные).

Помимо намеченных классификаций фоновое знание можно делить и по другим основаниям, привязывая анализ к конкретным социальным технологиям.

5. Заключение. По мере становления «обществ знания» и возрастающего влияния глобальных тенденций развития с неизбежностью будет усиливаться значимость проблем, связанных с «фоновым знанием» в процессах создания и использования СТ. Подобные проблемы правомерно рассматривать с позиций социальной эпистемологии как *процессы*

социального конструирования в контексте непосредственных коммуникативных актов на всех уровнях и на всех этапах реализации СТ. Такой подход позволяет подойти к пониманию процессов становления новой социальной реальности как механизма производства знаний (образование новых согласованных смыслов) всеми субъектами в поле действия той или иной социальной технологии.

Фоновые знания приобретают фундаментальный характер и решающим образом определяют жизнеспособность СТ. Без доработки «под фоновое знание» любая социальная технология при всех своих позитивных целях парадоксальным образом способна ухудшать, а не улучшать ситуацию при внешнем и формальном соблюдении всех «инновационных» требований.

Одна из ключевых проблем использования социальных технологий в российских условиях – преодоление технократического подхода к управлению вообще и усиление внимания к философско-методологическому обеспечению действий СТ на всех этапах их «жизненного пути».

* * *